

более сильных властителей, долго ведший двойную игру, склонялся на сторону арманьяков.

Сам Филипп Бургундский, все больше и больше разочаровываясь в англичанах, серьезно подумывал о перемирии с Карлом VII.

Кое-кто из феодалов пытался вступить в переговоры непосредственно с Девой.

Под влиянием всех этих событий даже придворная канцелярия заговорила новым языком.

Теперь в королевских сообщениях о победе имя Жанны стояло на первом месте. О других капитанах объявляли лишь мимоходом, а имя благородного коннетабля не было упомянуто вовсе.

Рыцари де Ришмона действительно почти не приняли участия в последнем деле. Коннетабль, потеряв надежду на немедленное примирение с королем, решил покинуть ряды французских войск и возвратиться в свои владения. Перед уходом, однако, жадный бретонец попытался осуществить давно задуманную затею.

Коннетабль недаром присматривался к Жанне, не зря беседовал с ней. Он видел, что девушка становится большим человеком, что она приобретает цену, увеличивающуюся после каждой новой победы. А де Ришмон смотрел на людей преимущественно с точки зрения того, сколько они могут стоять в переводе на золото. Этот вельможа набил руку на похищениях. В свое время он захватил монсеньера Реймского архиепископа и получил за него от короля большую сумму. Теперь подобный же трюк он собирался проделать и с Жанной.

Уже все было подготовлено. Был выделен особый человек, специалист своего дела, некий Андрию де Бомон, которому надлежало провести похищение.

Дело сорвалось в последний момент. Андрию де Бомон испугался, что его разорвут солдаты Девы. Он предпочел претерпеть ярость своего господина, но сохранить жизнь.